

Часть 1

Сакута Азусагава задумался, сколько нужно выпить чая улун, чтобы окупить тысячу двести иен на двухчасовое безлимитное питье.

Допив третий стакан, он подозвал проходящую мимо официантку и заказал еще один.

Сидящие за другим столиком воспользовались этим, чтобы заказать пиво, хайболы, сауэр и улун-хай.

— Я сейчас вернусь! — улыбнулась официантка и исчезла на кухне.

Ожидая, Сакута закинул в рот остатки льда. Не успел тот растаять, как официантка вернулась с подносом, уставленным стаканами и кружками.

— Ваш чай улун, — сказала она, поставив перед ним стакан. Из него торчала соломинка, и Сакута сделал глоток. Чай улун имел слабую горечь и ничем не отличался от того, что продавался в местном продуктовом магазине.

Двухлитровая бутылка обошлась бы в двести иен. За цену входа сюда он мог купить целых двенадцать литров.

Пытаться выпить столько за два часа — просто пытка. Он проживет дольше, если откажется от всякой надежды оправдать потраченное время.

Пока эти мысли проносились в его голове, какая-то девушка спросила:

— Не возражаешь, если я подсяду?

Он поднял глаза и увидел, что она стоит рядом с ним у низкого столика. На ней было длинное платье с поясом, похожим на ленту, на талии, а на плечах — куртка в военном стиле с закатанными рукавами.

Ее волосы были слегка осветлены, а их часть — собрана сзади в свободный узел. Небрежно, но это не выглядело нелепо.

Однако ее телосложение было худым до хрупкости. Она улыбалась, но не казалась уверенной в себе. Возможно, родинка в виде слезинки просто создавала такое впечатление.

— Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала, — признался Сакута.

— ...

Девушка с родинкой в виде слезинки выдержала его взгляд, медленно моргнув. Как будто ей и в голову не приходило, что он может сказать нет.

— Почему? — спросила она через целых три секунды.

Она села напротив него, расправляя юбку, чтобы не помять. Очевидно, его попытка дать отпор оказалась неэффективной.

Девушка поставила недопитый напиток на стол. Лед растаял, стенки стакана были влажными. Она пододвинула к себе тарелку с закусками, явно устраиваясь поудобнее.

— Я уже чувствую взгляды, устремленные мне в спину.

Ему даже не нужно было оборачиваться: она пересела с другого столика, оставив коротко стриженную подругу и трех парней. Заказывая чай, он заметил, что они достали телефоны и обмениваются контактами.

— Они начали обмениваться контактами, и я ушла.

Его столик, очевидно, был убежищем.

— Ты могла просто отказаться.

— Если бы я могла.

Девушка с родинкой-слезинкой казалась немного растерянной, хотя возможно, что это просто ее обычное выражение лица, так что он не был уверен.

— У тебя есть причина, по которой ты не можешь?

— У меня просто нет телефона...

Ей потребовалась секунда, чтобы признаться в этом.

— Ты одна из немногих, — сказал он.

— Обычно мне не верят.

Правда не всегда звучала правдиво. Иногда она звучала как плохая ложь. Чтобы сделать правду убедительной, ей пришлось бы объяснять почему, а она, наверное, предпочитала этого не делать.

— Что, у тебя был плохой день и ты выбросила его в океан?

— Люди правда так делают?

Делают, но, поскольку она рассмеялась, Сакута решил промолчать.

— Но как ты живешь без телефона?

— Разве человек умрет без него?

— Так мне говорили. Источник — одна старшеклассница.

— Школьница?..

Он определенно уловил нотку презрения. Разве студентам университетов запрещено знакомиться с кем-то помладше?

— Она моя знакомая, с которой я учился в одной школе, — попытался объяснить он, пока она не пришла к нежелательным выводам.

— Ну тогда все хорошо. Твое здоровье.

Переход между этими фразами ускользнул от него, но она подняла стакан, и он приложился к нему своим. Каждый сделал глоток из своей соломинки.

— Что пьешь?

— Чай улун.

— Я тоже.

— Да?

— Сколько нужно чашек, чтобы окупить счет?

— Кто-то уже подсчитал. Понадобится не меньше двенадцати литров.

— Никто не может выпить столько.

— В общем-то, я тоже так думаю.

Вот такой пустой разговор. Вполне возможно, им было бы лучше поболтать о погоде.

Продолжать пустую болтовню с девушкой, чьего имени он даже не знает, казалось унылым, поэтому Сакута последовал духу вечеринки и представился:

— Азусагава Сакута, первокурсник, факультет статистики.

— О, а что это? — усмехнулась она, откусив кусочек эдамаме*. — Вкусно! — пробормотала девушка, запивая чаем.

[П/П: Эдамаме — закуска к пиву.]

То, как она держала стакан, как сжимала соломинку, и даже то, как губы обхватывали ее — каждый жест был удивительно женственным. Сакута мог понять, почему парни липли к ней: он и сам считал ее довольно симпатичной. И он понимал их стремление получить ее контакты.

Этот язык тела, а еще то, как родинка в виде капельки слезы придавала ей постоянно взволнованный вид, стимулировали его защитный рефлекс. Словно на нее наложили заклинание, заставляющее людей влюбляться с первого взгляда.

— Ты смотришь, как я ем, это довольно неловко, — сказала она, подняв на него глаза. Однако девушка не выглядела ни капли смущенной и уже приступила к следующей порции эдамаме.

— Ты знаешь, для чего это собрание? — спросил Сакута, обводя взглядом помещение.

Они сидели баре. Точнее, в помещении, построенном для больших вечеринок, с татами и углублениями под каждым столом. Всего было шесть столов, каждый на четыре места.

Один стол только для парней.

А другой — для девушек.

И четыре для обоих полов, включая тот, за которым сидели они вдвоем.

Они арендовали зал. Все двадцать студентов учились в том же университете, что и Сакута, и все были заняты тем, что смеялись, хлопали и доставали телефоны, чтобы обменяться контактами.

Это был последний день сентября, пятница тридцатого.

Новый семестр начался в понедельник, и все здесь присутствующие выбрали один и тот же семинар, который являлся общеобразовательным, так что записаться на него могли студенты с самых разных факультетов. Им предстояло учиться вместе до конца года, поэтому они решили устроить вечеринку, чтобы получше узнать друг друга.

Сам бар находился недалеко от станции «Йокогама». Он входил в сеть ресторанов и располагался в торговом районе в нескольких минутах ходьбы от западного выхода. Стоимость входного билета, включавшего все напитки, составляла две тысячи семьсот иен.

Вечеринка продолжалась уже полтора часа, и все, кроме сидящих за столом Сакуты, были навеселе. Их голоса и смех становились все громче и громче.

Организаторы вечеринки планировали, что каждый представится, но все уже давно забыли про это, и им было бы все равно, заговори кто об этом. Они пришли сюда, чтобы хорошо провести время.

— Мито Миори, первокурсница, факультет международного менеджмента.

— Спасибо.

— Тебя, естественно, я уже знаю.

— Я, типа, знаменит.

Вернее, его девушка. Все в Японии знали и любили знаменитую актрису Май Сакурадзиму. Она снималась в кино, телешоу, рекламе и даже работала моделью. Если этого недостаточно, то во вторую половину прошлого года она снималась в утреннем сериале под названием «Я вернулась». Поскольку Май впервые взошла на вершину славы благодаря утреннему сериалу, это и вправду было возвращением. И абсолютно точно сделало ее снова известной на весь мир.

И их отношения недолго оставались на уровне слухов: очень быстро все в кампусе узнали об этом.

Май училась в том же университете, так что скрывать это было невозможно. Реакция Миори вполне естественна.

Через полгода, после того как Сакута поступил в университет, его перестали донимать этим вопросом. На самом деле почти никто никогда не спрашивал его напрямую, встречаются ли они. Он может пересчитать по пальцам рук количество раз, когда такое случилось.

Он полагал, что всем было любопытно. Но они также не хотели вести себя как кучка фанатов. В кампусе установилась обычная атмосфера, как будто все предостерегали друг друга.

— Должно быть, классно встречаться с кем-то красивым. Я тоже хочу!

— Май моя, ты ее не получишь.

— Ревнивец!

Ее завистливый взгляд сменился на злобный.

— Если хочешь подцепить кого-то — вперед. Похоже, у тебя есть варианты.

Он мотнул головой в сторону столика позади. К ним присоединилась еще одна девушка, и они весело болтали. Но было настолько шумно, что он не мог ничего разобрать.

На этот раз Миори действительно смотрела на него.

— Это просто подло, — сказала она. — Почему ты вообще сидишь один?

— Так было не всегда.

— Я знаю. Видела с другого столика.

Сакута сидел с одним парнем со своего курса — Такуми Фукуямой. Он давно перебрался за другой столик, проведя первый час за одним и тем же бестолковым разговором.

«Я хочу найти себе девушку!» — «Тогда иди и поговори с какой-нибудь». — «Слишком неловко». — «Тогда я попробую». — «Я пойду с тобой!» — «Давай, вперед». — «Я не могу!»

В конце концов Сакута пошел в туалет и, вернувшись, обнаружил того, сидящим за столиком с одной из девушек. Дань уважения силе алкоголя. Кто-то даже дал ему свой контакт.

Сакута рассказал это Миори, которая откусила кусочек куриного наггетса и сказала:

— Ты мог бы пересесть за другой столик.

Она не была похожа на девушку, которая часто ест такую высококалорийную пищу, но она действительно наслаждалась: ее лицо выражало блаженство. Она сглотнула, и ее палочки потянулись за еще одним.

Вначале на тарелке было четыре наггетса. Идея состояла в том, чтобы разделить тарелку между четырьмя сидящими за столом. Поскольку здесь сидели только они вдвоем, это была ее доля. Но, учитывая общее количество людей в комнате, кто-то останется без наггетса.

Но даже пока он подсчитывал эти цифры, Миори взяла третий, явно претендуя на всю тарелку.

— Азусагава, почему ты вообще здесь?

— В основном из-за еды. — Он протянул палочки и схватил последний наггетс раньше нее. — За другими столами слишком много людей, поэтому еды меньше.

Сакута вообще не собирался приходить, но Такуми так настаивал, что тот уступил.

— Одни голодающие, — сказала Миори, оглядываясь. Она явно имела в виду отчаяние, движущее их социальными взаимодействиями.

— А ты, значит, не такая, как все?

Университет не похож на старшую школу. Нет ни класса, в котором проводятся все уроки, ни парт, за которыми всегда сидишь. Все занятия проходят в разных местах, и люди занимают свои места по мере прихода.

Самое значительное изменение — то, что больше нет одноклассников.

У студентов с одного факультета есть общие профильные предметы, на которых с большой вероятностью можно столкнуться с одними и теми же людьми.

Но у первокурсников большинство предметов общеобразовательные, а менее половины — профильные. Особого давления, чтобы общаться с окружающими, нет. По крайней мере, оно слабее, чем в старшей школе.

В школе все отношения определяются классной комнатой. И Сакута наконец-то освободился от этого удушающего гнета.

Свобода царила повсюду.

Но это также означало, что у новичков в университете нет места с привычной обстановкой,

которая была у них в старших классах.

Поэтому люди, оказавшиеся в одной группе, добровольно собирались, формировали импровизированные классы и пытались воссоздать привычную им обстановку. Все жаждали хорошего времяпрепровождения и социальных связей. А может, просто молились в надежде, что уйдут отсюда с новой девушкой или парнем.

— Я и сама изрядно проголодалась, — заявила Миори, доедая третий наггетс.

Она жевала, не отрывая глаз от окружающего праздника, но, несмотря на сказанное ею, казалось, что она не стремится к чему-то конкретному. Это была просто мимолетная возможность посмотреть на всех со стороны. Ее взгляд не был ни теплым, ни презрительным.

Миори, возможно, было все равно, голодна она или нет. Ему показалось, что она даже не придавала своим словам особого значения. Как будто они просто заполняли тишину.

— Осталось всего пять минут, — объявил тот, кто все устроил, изобразив руками мегафон. — Давайте начнем сворачиваться. После вечеринки будет караоке, так что, пожалуйста, приходите.

Только половина толпы услышала его.

— Азусагава, ты идешь в караоке?

— Нет. Мне на работу надо.

— Так поздно? Ты работаешь по ночам?

На самом деле было еще недостаточно поздно, чтобы называть это ночью: только-только перевалило за шесть. Вечеринка началась в четыре, когда открылся бар, что довольно рано для пьянки.

— Сегодня я работаю репетитором для школьников.

— «Сегодня»?

— А еще я официант в ресторане.

Сакута допил свой чай. Последние капли брызнули с соломинки.

— Подтягиваешь учеников средней школы?

— Первогодок старшей школы, — ответил он, взяв рюкзак.

— Учишь старшеклассниц всем трюкам. Негодник.

— Я учу их математическим трюкам. К тому же у меня и ученики есть.

На самом деле их было только два — мальчик и девочка. Так как учащиеся сами выбирали для себя учителей, количество учеников у Сакуты увеличится, только если его выберут.

Количество учеников и школьных предметов влияло на заработную плату, поэтому он, конечно, хотел получить еще несколько человек, но для этого явно требовалось терпение.

Вечеринка все еще продолжалась, но он выскользнул наружу, предварительно надев ботинки. Краем глаза он заметил Миори, завязывающую шнурки на своих кроссовках.

— Никакого продолжения вечеринки?

— Не выношу караоке.

Она снова сделала такое лицо, но на этот раз оно казалось искренним. А может, и нет. Он не знал ее достаточно хорошо, чтобы быть уверенным.

— Пойдем, пока нас никто не заметил, — предложила Миори, оглядываясь на зал. — Будет неприятно, если кто-нибудь попытается утащить нас с собой, — добавила она, подмигнув, после чего вывела его из бара.

Снаружи их обдало волной влажности. Сентябрь уже стоял на пороге, но лето никак не хотело уходить.

Сегодня была пятница, и с вокзала в торговый квартал стекались огромные толпы.

Вероятно, они направлялись на свидания, сборища и вечеринки.

Двигаясь против течения, Сакута и Миори пересекли мост через реку Катабира, а затем пошли вдоль берега, чтобы избежать толпы. Миори не отличалась быстрой походкой, и иногда ей приходилось бежать рысью, чтобы догнать его, но она не жаловалась.

Сакута все равно немного замедлил шаг и посмотрел на нее через плечо:

— Ты вроде как бросила свою подругу.

— Манами?

— Я не знаю, как ее зовут.

— Все в порядке. Если бы я задержалась, она бы разозлилась.

Миори догнала его и вздохнула.

— А... не хочется, чтобы парни, которые нравятся твоей подруге, бегали за тобой, верно?

Вероятно, она не ожидала, что он поймет, и, судя по ее туманному ответу, она не собиралась рассказывать дальше. Это объясняло ее несколько неловкую улыбку.

— Очень проникательно, — пробормотала она.

В ее взгляде было неподдельное удивление.

— Я знал одну старшеклассницу в похожей ситуации.

Ее пригласил на свидание приятель подруги, и все прошло не очень хорошо.

— Ты знаешь слишком много старшеклассниц.

Миори отступила от него на шаг, ее тон внезапно стал настороженным.

— Не волнуйся, это та же самая.

А еще через полгода она будет учиться в университете.

— Допустим, я тебе верю.

— Клянусь мизинцем.

— Садись на JR, Азусагава?

Разговор изменился, не прояснив ситуации. Если он будет упираться, то, скорее всего, просто попадет впросак, поэтому он оставил неожиданную смену темы без комментариев.

— Линия «Токайдо», до «Фудзисавы». А ты?

— До «Офуны».

Она казалась довольной, вероятно, потому, что это на одну станцию ближе. А значит, и ближе к линии «Кейкю», по которой они ездили в университет.

Университет находился рядом со станцией «Канадзава-Хаккей».

— Ты выросла там? — спросил он, будучи уверенным, что это не так. По Миори нельзя было сказать, что она оттуда. Их университет находился в городе, поэтому большинство студентов приезжали из Йокогамы или, по крайней мере, из этой префектуры. Те, кто приезжал из других городов, как-то по-другому выглядели.

— Нет, я переехала туда после поступления.

— Ты могла выбрать место поближе.

— Это близко к Камакуре.

Сакута, очевидно, имел в виду, что ближе к университету, но ответ, который он получил, был, конечно, своеобразным. Если честно, в Камакуре неплохо. Он несколько раз водил туда Май.

— Ты из Фудзисавы?

— Вроде того.

Он жил там уже три года, поэтому больше не чувствовал себя чужаком. Пригород Йокогамы, где он вырос, показался бы ему гораздо более незнакомым. Он не возвращался туда с тех пор, как окончил среднюю школу.

Они дошли до главной улицы и застряли на первом же светофоре.

— О, точно, — сказала Миори, доставая из сумки маленькую пластиковую коробку. Она гремела, когда ее трясли, и была наполнена мятными конфетками. Судя по звуку, она еще полная.

Девушка засунула сразу три штуки в рот и протянула коробку Сакуте.

— Неужели у меня так плохо пахнет изо рта?

— В курином фарше был чеснок. А у тебя ведь скоро занятие с учениками?

— Да, конечно, спасибо.

Сакута взял три мятных леденца. Его рот покрылся инеем, и прохлада достигла ноздрей.

— Скажу кое-что, но это не вместо благодарности...

— Что? — спросила она, глядя на него искоса.

— Осторожнее с парнями, с которыми ты так поступаешь.

— Почему?

— Я имею в виду, похоже, ты не хочешь, чтобы они терлись вокруг тебя.

— Тогда мы в безопасности. Здесь только ты.

— Неужели на меня нацелилась?

— Я стараюсь расслабиться. Я имею в виду, что ты никогда не влюбишься в меня. У тебя самая симпатичная девушка в Японии.

— В мире, но в остальном верно.

Миори громко рассмеялась.

— Еще бы ты так не говорил, — хихикнула она.

Свет по-прежнему не менялся.

— ...

— ...

Когда их разговор затих, оба обнаружили, что смотрят на одно и то же: на другой стороне улицы женщина в костюме раздавала карманные салфетки. Ей было около двадцати лет. Она сняла пиджак, но, видимо, находилась здесь уже давно, потому что ее рубашка промокла от пота, а челка прилипла ко лбу. Скорее всего, она новый сотрудник, пришедший в компанию в начале года.

Она предлагала салфетки с непоколебимой преданностью, но никто не брал.

Все словно проплывали мимо.

— Азусагава, у тебя когда-нибудь была такая же работа?

— Нет.

— Никто не берет салфеток.

— Нет.

— Может, только мы вдвоем видим ее.

Миори бросила эту бомбу, ничуть не изменив тон голоса.

— Не может быть.

— Что, ты никогда не слышал о «Подростковом синдроме»?

— ...

Когда он в последний раз слышал эту фразу? Достаточно давно, чтобы не сразу отреагировать.

— Люди тебя не видят, ты можешь видеть будущее, тебя двое — всевозможные симптомы.

— Хм.

— Ты в школе не слышал историй об этом?

Свет стал зеленым.

— Слышал, конечно. — Сакута пошел первым, а Миори отстала на шаг. — Но это всего лишь истории.

На другой стороне улицы он взял у женщины упаковку салфеток.

— Спасибо, — сказала она. К салфеткам прилагалась реклама недавно построенных кондоминиумов. Сакута не думал, что он выглядит человеком, который может позволить себе

такую квартиру. Возможно, у этой женщины было туннельное зрение или она забыла, что именно рекламирует.

Пока эти мысли проносились в его голове, мимо прошел другой мужчина и взял салфетки. Ему было около пятидесяти лет, он определенно больше относился к ее целевой аудитории.

Теперь уже довольно много людей брали салфетки.

— Похоже, дело не в нас

— Что тебе известно? — поинтересовалась Миори.

— И эта девушка вряд ли относится к возрастной группе «Синдрома».

Ей явно было около двадцати.

— Разве у подросткового возраста есть определенные границы?

— Я не знаю.

Возможно, это зависит от конкретного человека. Не было четких определений. Вряд ли все автоматически становятся взрослыми, как только им исполняется двадцать лет.

— Ты все еще подросток, Азусагава?

— Я бы предпочел думать, что уже нет.

— Ты учишься в университете.

— А что насчет тебя?

— Я думаю... да.

— На то есть конкретная причина?

— Я имею в виду, что у меня до сих пор нет парня.

— А, понятно.

— О, в твоём самодовольном взгляде так и читается «Уже занято».

Миори бросила на него ледяной взгляд. Затем она выхватила у него пачку салфеток и пошла ко входу в метро.

— Станция в другой стороне.

Она шла к лестнице в подземный торговый центр станции «Йокогама».

— Мне нужно кое-что купить. Увидимся.

Она махнула ему рукой и скрылась внизу, не оглядываясь.

— Хм...

Сакута не был уверен, что думать о Миори Мито. Она дружелюбна и экспрессивна, но казалось, что между ними пролегла грань и она не хотела подходить ближе. Вероятно, она рассталась здесь, потому что в противном случае они оказались бы в одном поезде. Может, он слишком много думал об этом, но она казалась из тех, кто старается подобного избегать.

Она взяла салфетки (которые были полезны) и оставила его с рекламой кондоминиума (бесполезной), поэтому он засунул ее в рюкзак и пошел на станцию.

Проходя через ворота JR, он подумал, как давно не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал о «Подростковом синдроме».

Часть 2

На станции «Йокогама» Сакута пересел на линию «Токайдо». Поезд был заполнен деловыми людьми и студентами, которые возвращались домой. Но поскольку сегодня пятница и людям есть чем заняться, народу было меньше обычного.

Сакута устроился прислонившись к двери между вагонами и достал учебник, по которому учил. Он перелистнул на страницу двадцать пять и посмотрел на пример с квадратичной функцией. Он изучал материал, перед тем как его объяснять.

Пока он это делал, поезд неуклонно двигался вперед, проходя через торговые ряды вокруг станции «Йокогама» и выезжая в жилые районы за ее пределами. По мере приближения к станции здания становились выше, а после нее они уступали место тихим кварталам. Пейзажи сменяли друг друга.

Когда Сакута только стал ездить на работу, ему не хватало моря, неба и горизонта, но через полгода он научился проводить это время с пользой. Обычно он готовился к занятиям.

Но сегодня он не мог сосредоточиться.

И знал почему.

Миори Мито спросила после вечеринки.

«Ты никогда не слышал о „Подростковом синдроме“?»

Когда в последний раз кто-то при нем говорил об этом?

Уж точно не с тех пор, как он поступил в университет. А до этого... ну, он провел весь третий год старшей школы зарывшись носом в книги, готовясь к вступительным экзаменам и ничего особенного не слышал.

Это означало, что прошло не менее полутора лет.

Осознание того, что другие больше не могут воспринимать тебя.

Проживание проекции будущего.

Разделение на две версии себя.

Обмен телами с кем-то другим.

Боль в сердце физически проявляется и влияет на тело.

Путешествие в будущее.

Бегство в потенциальный мир.

Сакута сталкивался со всеми этими видами «Подросткового синдрома».

Но последние полтора года ничего не происходило.

Это хорошо, поэтому он не беспокоился и не считал дни.

Не успел он оглянуться, как прошло столько времени.

Поезд линии «Токайдо» остановился на станциях «Тоцука» и «Офуна», а затем прибыл на станцию «Фудзисава» точно по расписанию.

Сакута присоединился к толпе, проходящей через ворота, и пошел к северному выходу станции. У магазина электроники он повернул налево и увидел впереди вывеску школы, в которой работал. Школа находилась на пятом этаже офисного здания.

Он поднялся на лифте и, несмотря на час, сказал: «Доброе утро» сотрудникам за стойкой.

В отличие от учительских в обычных школах, здесь ее не отгородили стенами и дверью. Весь этаж был на виду.

Было открытое пространство для учеников с несколькими столами, и единственное, что отделяло его от учительской, — это стойка высотой по пояс. Сделали так для того, чтобы ученики имели легкий доступ к учителям.

Даже сейчас у стойки стоял ученик и спрашивал учителя о своем эссе по английскому языку.

— Доброе утро, Азусагава. Пусть оно будет таким.

Приветствовал его директор школы, мужчина лет сорока. Судя по тому, как он нервно смотрел в телефон, что-то, видимо, пошло не так.

Сакуте было все равно, поэтому он просто кивнул и пошел в раздевалку.

Он открыл шкафчик со своим именем и достал одежду, которая выглядела так, будто кто-то соединил белый лабораторный халат и костюмный пиджак, а затем разделил пополам. Это была униформа, которую учителя носили поверх обычной одежды.

Он достал учебник из рюкзака, засунул в рот еще несколько мятных леденцов (на всякий случай) и вышел из раздевалки.

Он пошел к ряду классных комнат в задней части главного корпуса.

Несмотря на то что они назывались комнатами, это были просто кабинки для занятий, примерно два с половиной метра на метр восемьдесят каждая. Входы в них были без дверей, а стены не доходили до потолка. Если внимательно прислушаться, то нетрудно услышать, как разговаривают люди в соседней кабинке.

Там его ждали два ученика — мальчик и девочка. Они сидели через центральный проход друг от друга. Девочка вела себя тихо, а внимание мальчика было приковано к его телефону. Поскольку он надел наушники, то, скорее всего, играл в музыкальную игру.

— Давайте начнем.

— Хорошо.

Ответила только девочка. Она уже открыла книгу на странице двадцать пять.

Ее звали Юри Ёсива.

У нее был здоровый загар и спокойный, невозмутимый характер. Юри была членом школьной команды по пляжному волейболу и посещала эту школу, чтобы подтянуть успеваемость. На ней была форма «Минегахары», старшей школы, в которой учился сам Сакута. Ее рост составлял сто шестьдесят сантиметров, что считается невысоким для такого вида спорта.

Большинство юниоров, которых встречал Сакута, были ростом с Май или выше. Хотя она и училась только на первом году старшей школы, но большинство девочек перестают расти примерно в это время.

Мальчик пробормотал: «Супер», но не поднял глаз от телефона. Он просто продолжал играть.

Его звали Кенто Ямада.

Как и Юри, он учился в «Минегахаре». Но они состояли в разных классах и не знали друг друга.

Его оценки в первом триместре были настолько плохими, что он стал ходить сюда еще летом, чтобы улучшить знания... И он провел большую часть первого занятия ворча, что его заставили родители.

Его рост составлял сто шестьдесят пять сантиметров, но он казался выше, потому что волосы стояли дыбом. Он совсем не упоминал о спорте, но, судя по телосложению, в средней школе он, вероятно, состоял в команде.

— Ямада, мы начинаем.

Часы показывали ровно семь вечера, и урок начался.

— Еще две секунды!

— Раз. Два. Страница двадцать пять, квадратичные функции.

— Аргх, учитель Сакута! Я из-за вас провалил идеальное прохождение!

Не обращая внимания на стоны Кенто, Сакута стал объяснять, как использовать функции. Это было в первом тесте после окончания летних каникул, и оба ученика его пропустили. Сакута разобрал пример и написал решение на доске. Потом попросил каждого из них решить задание, которое походило на решенный пример. Он был готов помочь каждому индивидуально, если они застрянут.

Юри сделала то, что ей сказали, решив задачу в своей тетради.

Кенто нахмурился, задумался, а потом сдался.

— Учитель Сакута! — позвал он, опускаясь на парту.

— Что?

— Я не понимаю.

— Что ты не понимаешь?

— Как найти симпатичную девушку.

Это был не тот ответ, который ожидал Сакута.

— Сосредоточься на учебе.

— У вас самая симпатичная девушка в мире! У вас должны быть советы!

— Может, у меня и самая симпатичная девушка в мире, но я не могу тебя такому научить.

Кенто не впервые поднимал эту тему.

— Я выбрал вас, надеясь, что вы поделитесь своим секретом! Надо было идти к учителю Футабе. По крайней мере, у нее большие сиськи!

Учитель Футаба, о которой говорил Кенто, — это Рио Футаба, школьная подруга Сакуты. Сейчас она училась в Национальном научном университете и стала заниматься здесь репетиторством за месяц до него.

— Я бы начал с того, что запомнил, что девушки ненавидят, когда парни говорят подобные вещи.

Он взглянул на Юри, но она мрачно решала задачу.

— Так что, держать это при себе?

— Я думаю, ты изучал тему о свободе мысли на уроках обществознания.

— Свобода быть непристойным!

Сакута понятия не имел, как он пришел к такому выводу, но он необязательно был неправильным.

— Я понимаю, что у тебя все мысли о девушках, но вообще есть кто-то на примете?

Урок явно пошел не в ту степь, поэтому Сакута подыграл.

— Я согласен на любую, если она симпатичная.

Этот ответ был прямо-таки освежающе глупым.

— Я думаю: то, что внутри, тоже имеет значение, хотя и понимаю, что мои слова могут быть неубедительными.

— Мне тоже нравятся большие сиськи.

— Под «внутри» я имел в виду личность.

А не то, что у них под одеждой.

— Учитель Азусагава.

Юри наконец выказала недовольство. Он взглянул вниз, на ее тетрадь: она решила одну задачу и остановилась. Должно быть, трудно сосредоточиться, когда рядом происходит такой разговор.

— Давайте вернемся к занятию.

— Тогда расскажите, как найти девушку!

— Мы здесь не изучаем ничего, кроме математики.

— Почему?!

— Потому что мне за это платят.

— Я не могу сосредоточиться, если у меня нет девушки!

— Ямада, почему ты такой зануда?

— Ведь если у тебя есть девушка, ты можешь заниматься сексом все время!

— ...

Сакута догадывался, что все это время имел в виду Ямада, но все равно потерял дар речи.

— Что?.. Я не прав?

— Пока ты так думаешь, у тебя никогда не будет девушки.

Сакуте стало его жалко. Кенто не заметил, но Юри смотрела на него с ледяным презрением.

В этот момент раздался стук. Поскольку двери не было, кто-то постучал по стене кабинки.

— Учитель Азусагава.

Он обернулся и увидел на входе Рио Футабу. Поскольку она тоже здесь работала, на ней была такая же форма.

— Есть минутка?

Она вела себя отстраненно и была явно раздражена.

— Что?

— Выйди.

Она взглядом велела ему выйти из комнаты.

— Решайте эти задачи, — сказал Сакута и, оставив Кенто и Юри, вышел из кабинки.

Рио отвела его в сторону свободного пространства и вздохнула, остановившись:

— Не отвлекайся от занятий. Мы получаем жалобы из соседней кабинки.

Она посмотрела на соседнюю кабинку, где вела физику.

— Я отношусь к работе серьезно.

— Слова, которые мы слышим, говорят об обратном.

Не было сомнений, что она имела в виду «сиськи» и «секс».

— Я этого не говорил.

Неизвестно, как она отреагировала бы, если бы Сакута опустил взгляд на ее грудь, поэтому он старательно избегал этого.

Рио резко вздохнула. Снова.

— Постарайся, чтобы тебя тоже не уволили.

— «Тоже»?

Как будто кого-то уже увольняли.

— Смотри.

Рио показала взглядом на открытую площадку возле учительской, молодой учитель умолял директора.

— Это неправда! Я клянусь!

— Успокойтесь. Мы поговорим в моем кабинете.

— Это все большое недоразумение! Ведь так?

Учитель повернулся и посмотрел на ученицу, стоящую в трех метрах от них. Она тоже носила форму «Минехахары», а рядом с ней стояла учительница. Старшеклассница опустила голову и выглядела измученной чувством вины.

— Простите меня. Я никогда не думала о вас так.

Что она имела в виду? Ему не нужно было спрашивать. Неловкое напряжение слишком ясно показывало, что здесь произошло.

Романтические осложнения между учителем и ученицей. Судя по комментарию старшеклассницы, она не собиралась затевать ничего подобного.

Скорее всего, учитель увидел намеки там, где их не было, и стал проявлять особый интерес.

— Ты сказала, что полагаешься на меня! Что тебе нужна моя помощь во внешкольных делах!

По дороге сюда Миори пошутила именно об этой ситуации.

«Учишь старшеклассниц всем трюкам. Негодник».

Но видеть, как это происходило на самом деле, было совсем по-другому.

— Прощу прощения, — сказала она, пресекая его мольбы, хотя это, казалось, причиняло ей боль.

— Нет... — прошептал он, пошатнувшись.

— Сюда, — пригласил директор. — Мы все обсудим.

— Хорошо...

Директор положил руку ему на спину и подтолкнул, словно он пойманный преступник. Но он был похож не столько на человека, раскаивающегося в своих проступках, сколько на отвергнутого жениха.

Они скрылись в офисе.

— Эм, что с ним будет? — спросила девочка, на ее лице была тревога.

— Не беспокойся, — посоветовала учительница.

Очевидно, им придется предпринять определенные шаги. Учитывая, что он сделал, это неизбежно.

— Не будьте слишком строги к нему. Я правда в порядке.

— Я сообщу директору. А пока тебе лучше пойти домой.

— Ага... — согласилась девушка.

Но она не сдвинулась с места, явно все еще беспокоясь о том, какие последствия ожидают учителя. Ее взгляд не отрывался от двери кабинета.

Сакуте стало лучше видно, что она выглядела как отличница, которая ведет себя мило со всеми. Ее волосы были уложены в консервативную прическу, а форма казалась безупречной. Тот небольшой макияж, который она нанесла, имел естественную гамму. В старших классах он бы определенно принял это за полное отсутствие макияжа.

— Не окажись в такой же ситуации, Азусагава.

— Разве я веду себя как эта ученица?

— Нет, но...

— Вот видишь.

— А если окажешься на его месте?

— Я популярнее, чем ты думаешь.

— Да, поэтому я и предупреждаю тебя.

— Э-э... Футаба.

— Что?

— Не обращай внимания. Я пошутил.

— Но ты популярнее, чем думаешь.

По тону Рио было ясно, что это констатация факта, и он не мог поспорить.

— Тогда нам просто придется надеяться, что наличие самой милой девушки в мире обеспечит мне безопасность.

— Разве ты не говорил, что не видел Сакурадзиму уже около месяца?

Май была на Хоккайдо, участвовала в съемках. Летние каникулы в университете длились почти весь август и сентябрь, так что она успела сыграть две главные роли.

Первый фильм закончился в августе, и она вернулась из Ниигаты и принесла саса данго*. На днях она позвонила ему, чтобы сообщить, что вторая роль займет время до начала следующей недели.

[П/П: Саса данго — сувенир из Ниигаты, десерт.]

— Не волнуйся, она наверстает упущенное.

— Тогда я вернусь к занятиям.

— Нет времени на мое банальное хвастовство?

— Просто заставь их выполнять задания.

Рио вернулась к своим ученикам, а Кенто высунул голову из кабинки.

— Учитель Сакута, вы уже закончили?

— Да, я получил нагоняй из-за тебя.

— За что?

Похоже, он действительно не понимал за что. Но потом он моргнул, глядя через плечо Сакуты.

— ...

Кенто ничего не сказал, но он явно смотрел на девушку. Она все еще стояла на открытой

площадке.

— Ты знаешь ее? — спросил Сакута.

— Химедзи Сара. Она учится в моем классе, — ответил он.

— Хм...

Он знал ее полное имя. Интересно.

— Что?

— Она в твоём вкусе?

— ?!

Сакута говорил без обиняков, но это, очевидно, задело парня.

— Нет! — сказал Кенто, явно раздраженный.

— Отлично.

— Ну же, учитель Сакута! Давайте учиться!

— Ну, я рад видеть твою мотивацию.

Если Кенто снова попытается сорвать урок, Сакуте, возможно, придется опять поднять этот вопрос.

Как бы то ни было, все оставшееся время ученики оставались сосредоточенными. Рио не пришлось делать ему замечания дважды.

Часть 3

Когда занятия закончились и Сакута покинул школу, было уже почти девять. Сам урок длился восемьдесят минут, а остальное время ушло на составление отчетов об уровне понимания учеников и ожидание Рио.

Выйдя на улицу, он пошел с ней в сторону станции.

— О, точно, — сказала Рио, как будто только что что-то вспомнила.

— Мм?

— Я получила сообщение от Куними.

— Что он сказал?

— Он успешно прошел подготовку на пожарного.

— О, это было сегодня?

Юма Куними сразу после окончания школы сдал экзамен на местного государственного служащего. Это было требование пожарной службы.

Он легко справился с этой задачей, но они не собирались брать обычного ученика старшей школы и сразу же отправлять его в пожарную часть, когда на кону стояли жизни людей.

Сначала Юму отправили в учебный центр, где он провел шесть месяцев, жил и дышал по их тренировочному режиму. Эта информация пришла вместе с результатами экзамена.

Он находился там с апреля.

В последний день сентября исполнилось ровно полгода.

— И он сказал, что уже устроился на работу, так что нам не стоит беспокоиться.

— Почему кто-то должен беспокоиться о нем?

Юма всегда выкручивался.

Фраза Сакуты вызвала у Рио легкую улыбку, скорее всего она была согласна с ним.

— Он начинает работать с понедельника, так что, как только освоится, он хотел бы встретиться за чаем.

— В любое время, если он платит.

— Я знала, что ты так ответишь, и уже сказала ему об этом.

К этому моменту они добрались до станции «Фудзисава».

Рио жила у «Хон-Кугэнума» — у станции линии «Одакю-Эносима». Они расстались, просто попрощавшись.

В этот поздний час в воздухе наконец-то стало ощущаться приближение осени. Наслаждаясь прохладой, Сакута пошел домой со станции в одиночестве.

Он перешел мост через реку Сакаи и стал подниматься по длинному пологому склону. По дороге был небольшой сад, а через некоторое время он увидел впереди жилой дом. Дом, в который они переехали, когда он начал учиться в старшей школе.

Убедившись, что почтовый ящик пуст, он подошел к лифту, ожидавшему на первом этаже, вошел и нажал кнопку пятого этажа.

Он подумывал о переезде поближе к университету. Конечно, он рассматривал только те места, которые мог позволить себе на свои мизерные доходы.

В конце концов, этого не произошло. У него были веские причины оставаться на месте.

На пятом этаже он вышел из лифта и направился налево к двери своей квартиры.

Вставил ключ и открыл.

— Я вернулся, Насуно, — окликнул он свою кошку, входя в квартиру.

Что-то было не так.

Стояли две пары обуви, которых не было, когда он уходил.

— О, привет, Сакута. Добро пожаловать домой.

Шлепая тапочками, Май вышла ему навстречу.

— Спасибо. Рад, что ты вернулась, Май.

— Приятно вернуться.

— Я думал, твои съемки займут еще несколько дней.

— Остальное мы можем сделать в студии, поэтому я вернулась домой.

Прошел целый месяц с тех пор, как он не видел улыбки Май.

— ...

— Что ты так смотришь?

— Мне кажется, ты стала еще красивее.

— Разве не здорово?

Она повернулась и пошла в гостиную. Сакута последовал за ней.

— О, вот и ты, — сказала Каэдэ. Его сестра лежала на диване в обнимку с Насуно. Она играла с кошкой и смотрела по телевизору какое-то игровое шоу.

В это время оно не выходило в эфир, так что она, должно быть, записала его. Сакута увидел на экране знакомые лица — Нодоку и Узуки. Дерзкие комментарии последней повергали ведущего и других участников в шок.

— Ты вернулась, Каэдэ?

Он узнал ее туфли у входа.

Сакута жил здесь, в Фудзисаве, а их родители — в Йокогаме. Каэдэ чередовала два дома, деля время поровну между ними. Она была старшеклассницей, но училась дистанционно, поэтому могла жить там, где заблагорассудится. Заниматься можно было где угодно, лишь бы имелся телефон.

— Я же говорила тебе, что у меня сегодня смена, — сказала она, свирепо глядя на автоответчик. Лампочка на нем определенно мигала.

Она начала работать весной в том же ресторане, где и он. Это было желанием Каэдэ и главной причиной, почему она и Сакута не переехали. В свою очередь, она помогала с оплатой аренды.

— Серьезно, Сакута, ты должен купить телефон.

— Никогда не думал, что услышу от тебя такие слова, Каэдэ.

Он был весьма шокирован, когда она захотела собственный телефон. В средней школе ее сильно обижали одноклассники, и социальные проблемы, связанные с телефоном, являлись тому причиной.

— Май, ты бы хотела, чтобы у Сакуты тоже был телефон, верно?

— Да, но я уже привыкла.

— Май не должна потакать твоим заскокам.

Не сумев заручиться поддержкой, Казэдэ снова перешла в наступление.

— Я подумаю об этом, если у меня останется что-то от зарплаты.

— Ты всегда так говоришь. Ну как знаешь!

Прояснив вопрос, она поднялась с дивана и опустила Насуно на пол.

— Ты пока не собираешься в ванну? Тогда я первая.

Она поставила видео на паузу и пошла в ванную.

— Ты еще не сходила?

— Тебя ждала.

— Как мило.

Дверь за ней захлопнулась.

Возможно, так она давала ему время поговорить с Май наедине. Он не мог решить, так ли должны вести себя воспитанные школьницы или его сестра просто пытается поступать по-взрослому.

— Ты ужинал?

— Все нормально. Я поел на вечеринке однокурсников перед работой.

— Влюбился там в какую-нибудь симпатичную девушку?

Вчера вечером по телефону Сакута сказал ей, что его однокурсники устраивают вечеринку. Она не только не возразила, но и сказала, что это хорошая возможность познакомиться с большим количеством людей. Но в завершение она пригрозила, чтобы он даже не думал ей изменять.

— И мысли не было.

— Жаль.

— О, но...

— Но что? Почему есть «но»?

— Была там одна девушка.

— О?

— Она учится в университете, но у нее нет телефона.

— А смысл в том, что только ты можешь ее видеть?..

Сакута понимал, почему она так отреагировала: это очень странно. В наше время каждый студент университета имел телефон. Она такая первая, кого он встретил, за исключением его самого.

— Ты заставляешь меня нервничать, — сказал он. — Нужно будет проверить в понедельник.

— Давай, проверь. Ну, мне пора.

Май взяла чемодан, стоявший рядом с диваном.

— Уже?

— Завтра рано вставать. Я вернусь в кампус в среду.

Она уже шла к двери.

— Я провожу тебя вниз.

Он сделал шаг, но она схватила его за руку.

— Лучше не надо: нас могут сфотографировать. Недавно мое агентство велело мне этого избегать.

Она схватилась за него для равновесия, пока застегивала ремешки туфель на лодыжках.

— Я оставила подарок в холодильнике. Поделись им с Каэдэ.

— Лучше я съем свою половину, пока она не съела все.

Май рассмеялась, затем обхватила его лицо ладонями.

— Что? — спросил он, делая осьминожки губы.

— Ничего, — ответила она, хихикая.

Возможно, она просто немного взволнована тем, что снова увидела его.

И поэтому хотела пошалить.

Вот и все.

А если Май веселилась, то это все, что ему нужно.

Какой бы пустяковой ни была причина, улыбки для него достаточно.

Она отпустила его щеки, помахала пальцами, сказала: «Пока» — и вышла за дверь.

Сакута наслаждался тлеющими угольками ее веселья и тихо запер дверь.

Часть 4

Прошли выходные, и наступил понедельник.

Третьего октября было дождливое утро.

Первое занятие Сакуты начиналось в десять тридцать утра. Он не спешил вставать и готовиться к выходу.

— Всего хорошего, — сказала Каэдэ, провожая его за дверь в девять пятнадцать.

Погода становилась все более осенней, но влажность все еще говорила о лете. В футболке и легких брюках (обрезанных так, что лодыжки оставались голыми) ему было довольно комфортно.

Это лето никак не хотело уходить. А когда оно закончится, то, скорее всего, перейдет сразу к внезапной зиме. Ему казалось, что осень становится все короче и короче, или же он ошибался?

С этими мыслями он добрался до станции «Фудзисава». Здесь еще чувствовались следы утренней спешки. Студентов в форме не осталось, но было много старшеклассников и людей в деловых костюмах.

На втором этаже станции он прошел через ворота JR и спустился на платформу линии «Токайдо». Ему не пришлось долго ждать: вскоре пришел поезд в девять тридцать две до Коганеи.

Обычный поезд, обычная поездка, которая заняла около двадцати минут.

Сакута сошел на станции «Йокогама» и пересел в характерные красные вагоны линии «Кейкю». Префектура Канагава имела форму собаки, а этот экспресс шел до самых передних лап в Мисакигути. За проезд на экспрессе не взималась дополнительная плата, можно было воспользоваться обычным билетом.

Он сел в передней части поезда, избежав скопления людей.

Когда поезд отъехал, Сакута стоял у дверей и смотрел на проплывающие мимо пейзажи. Когда он только поступил в универ, одного вида было недостаточно, чтобы сориентироваться, но через шесть месяцев он уже гораздо лучше знал окрестности. Естественно, он запомнил, где и какие здания и офисы находятся.

Проехав немного, он миновал старшую школу, известную тем, что в ней одна из лучших бейсбольных команд в префектуре. Это знак, что скоро его станция.

Поскольку оставалось еще немного времени, Сакута пробежался глазами по объявлениям в салоне. Он нашел одно из них — журнал мод с Май на обложке. Две девушки, похожие на студенток, обсуждали ее.

— Этот наряд такой милый!

— Он милый, потому что его носит Сакурадзима Май.

— Верно подмечено.

И так далее, и так далее.

— Вживую она еще симпатичнее.

— Мир так несправедлив.

Похоже, они видели ее на улице. Если они ехали на этом поезде в такое время, велика вероятность, что они учились в университете Сакуты. А значит, скорее всего, они тоже знают, кто он такой.

Если бы он продолжил смотреть, они бы заметили это, поэтому он отвернулся. И обнаружил, что смотрит прямо на того, кого знал.

Икуми Акаги стояла перед следующей дверью. Одним плечом она упиралась в дверь, но спину держала прямо. В руках у нее была толстая книга, причем на обложке ни слова по-японски. Сакута подозревал, что содержание книги полностью на английском языке. Она была очень сосредоточена.

Акаги была его одноклассницей еще в средней школе.

Три года спустя они встретились в университете.

Но с тех пор они не контактировали.

«Ты Азусагава, верно?» — «Акаги?» — «Да. Давно не виделись».

На этом все и закончилось. Нодока догнала его через минуту, а Икуми быстро сказала: «Пока» — и ушла. С тех пор она с ним не разговаривала. Он видел ее в кампусе, но не чувствовал необходимости заговаривать.

Они не были хорошо знакомы даже в те времена. Она просто была одной из тридцати одноклассников. Из тех, чье имя забываешь сразу после выпуска.

Приветствие после трехлетнего перерыва не вызвало никаких эмоций, и встреча не привела ни к чему примечательному.

Вероятно, это относилось и к Икуми: она просто увидела смутно знакомое лицо и поздоровалась. И ничего больше.

Единственным реальным событием, произошедшим за последние шесть месяцев, было то, что Сакута узнал, что она учится на факультете для медсестер, специализирующихся на уходе за больными.

В их университете было два медицинских факультета, и все желающие стать медсестрой попадали туда же, куда и Икуми. Студенты медицинского учились в отдельном кампусе, но, поскольку у первокурсников в основном предметы являлись общеобразовательными, студенты с других факультетов также посещали кампус у станции «Канадзава-Хаккей». Икуми одна из них.

На вечеринку на прошлой неделе пришли два парня с факультета для медсестер и одна девушка с лечебного.

Должно быть, Икуми почувствовала на себе чей-то взгляд: ее голова повернулась в его сторону. Сакута был уверен, что раньше она носила очки, однако сейчас их нет. Но ее взгляд четко сфокусировался на нем. Она дважды моргнула. Выражение ее лица оставалось точно таким же, как во время чтения.

Она моргнула в третий раз, затем вернулась в прежнюю позу. Прижавшись плечом к двери, она бросила короткий взгляд на улицу, чтобы убедиться, что дождь прекратился.

Поезд прибыл на станцию «Канадзава-Хаккей», и между ними больше ничего не произошло.

Выйдя на платформу, Сакута направился по лестнице к воротам. На станции «Канадзава-Хаккей» недавно закончилась масштабная реконструкция, и территория вокруг ворот все еще выглядела с иголочки.

Первоначально «Приморская линия» находилась на небольшом расстоянии, но в результате реконструкции ее перенесли внутрь станции «Канадзава-Хаккей», что обеспечило беспрепятственную пересадку.

Самый простой способ попасть в кампус — подняться по лестнице и перейти на западную сторону станции. Мост через пути был хорошим и широким.

Если спуститься по лестнице, то можно за три минуты дойти вдоль путей до кампуса. Сегодня с ним ехало не так много студентов. В самом университете училось в пять раз больше людей, чем в его старшей школе, но, поскольку учебный день начинался у каждого в разное время, станция никогда не была сильно переполнена по утрам.

У студентов, приехавших сейчас, учебный день начинался со второго занятия.

Сакута влился в поток толпы через передние ворота. Там его встретила аллея деревьев гинкго, проходящая прямо по центру кампуса.

Когда он впервые пришел сюда сдавать экзамен, он посмотрел на эти деревья и подумал, что они создают ощущение настоящего университетского городка. Подобные пейзажи часто встречаются в фильмах и телепередачах об университетах.

Слева за воротами находился главный спортивный зал, где проводилась торжественная церемония для поступивших. За ним расположилось спортивное поле. Пять или шесть студентов занимались там бегом. Вероятно, члены футбольной команды проводили дополнительные тренировки в перерывах между занятиями. Похоже, у членов университетских спортивных клубов расписание гораздо гибче, чем у клубов старших школ.

Напротив поля, за деревьями гингко, находилось трехэтажное здание, где проводилось большинство занятий. Оно выглядело как гигантская площадь, но на самом деле это коробка с парком в центре. Его аудитория была там.

В центре площади стояли часы — символ университета, и он повернул направо прямо перед ними.

Сакута слышал шаги позади себя, а через мгновение кто-то хлопнул его по спине.

— Азусагава, привет!

— Привет, Фукуяма.

Такуми Фукуяма шел рядом с ним. Он первый, с кем Сакута стал по-дружески общаться после поступления. Он же первым набрался смелости и спросил: «Это правда, что ты встречаешься с Сакурадзимой Май?» И поскольку их выбор факультативов совпал, они практически все время проводили вместе.

— Как прошла пятница? — спросил Такуми, его любопытство было весьма очевидным.

— О чем ты?

Сакута искренне не понимал, о чем тот спрашивал.

— Ты заслужил неприязнь каждого тамошнего чувака! Ты забрал Мито с собой домой!

— Я ничего подобного не делал.

— Вы ушли в одно и то же время!

— Да, когда вечеринка закончилась. Мне нужно было идти на работу, поэтому мы расстались

на станции.

— Неинтересно. Конечно, если бы что-то случилось, я бы на тебя обиделся.

Правильного ответа не было.

Пока Такуми болтал без умолку, они вошли внутрь и поднялись по лестнице на третий этаж.

Такуми рассказывал о том, кто что пел в караоке, кто был хорош и насколько часто выбирали песни Токо Киришимы.

— Она все такая же популярная, да?

Сакута уже слышал это имя. Токо Киришима начала свою карьеру в Интернете и пользовалась огромной популярностью среди подростков и молодежи. Она ни разу не показывалась на публике, что порождало бесконечные догадки о том, кто она на самом деле. Все, что они действительно знали, — это ее пол и то, что она примерно того же возраста, что и ее аудитория.

— Скорее она уже популярная или, возможно, будет еще круче.

Сакута не был уверен, что это значит, но очевидно, что она не собиралась уходить. Он понятия не имел, что в караоке можно включать песни онлайн-певиц.

— Я вот что имею в виду, смотри.

Такуми протянул свой телефон.

На видео были босые ноги на траве. Нежные на вид, вероятно девичьи. Пока он смотрел, зазвучало красивое, мощное пение в стиле а капелла*.

[П/Р: А капелла — хоровое пение без музыкального сопровождения.]

Угол съемки изменился, показав девушку со спины. Открылся пейзаж: она стояла в центре стадиона, а на трибунах было пусто. Судя по форме крыши, видео снимали, скорее всего, на Международном стадионе Йокогамы.

Следующий кадр был сделан сбоку, а на нем виднелся только ее рот, когда она начинала припев.

Все ракурсы были довольно странными: они не показывали девушку целиком и лица выше губ.

Она выглядела слегка знакомой, но песня закончилась, прежде чем он смог понять почему.

На последнем кадре показали ее уши — стало ясно, что это реклама беспроводных наушников.

— Это песня Киришимы Токо, — сказал Такуми.

— Так... это она?

— Скорее всего, нет.

— А?

— Это таинственная красавица из рекламы, которая действительно умеет петь.

Как он мог назвать ее красавицей, если не видел лица? Ладно, значит, от нее исходило такое ощущение.

— По сути, это прикрытие.

— Так кто эта девушка в рекламе?

То, что она так скрывает свое лицо, заинтересовало Сакуту.

— Говорю тебе, это тайна.

— Никто не знает?

— Да.

Какая головная боль. Токо Киришима была загадочной Интернет-певицей. И девушка, исполняющая ее песню в рекламе, тоже неизвестна.

— Но ходят слухи, что это Сакурадзима Май.

— Будь это Май, им стоило показать ее лицо.

Она работала с раннего детства, и с ее возвращением в утренние сериалы люди из всех слоев общества знали, кто она такая. И если бы это была Май, Сакута узнал бы ее, увидев ноги, спину и губы.

— Нет, не она. Говорят, что Киришима Токо на самом деле Сакурадзима Май.

Для Сакуты это было новостью.

— Многие выдвигают эту версию, — сказал Такуми, прокручивая в телефоне какую-то информацию.

— Смотри под ноги.

Не стоит стоять в стороне, пока кто-то падает с лестницы, потому что тот отвлекся на телефон.

— Это что, пикап? — рассмеялся Такуми.

Сакута притворился, что не услышал.

— Что ты думаешь об этом? Сакурадзима Май может на самом деле быть Киришимой Токо?

— Ни за что на свете.

По крайней мере, Май ничего не говорила ему об этом. А ведь именно она впервые рассказала ему о Токо Киришима. Коллега из ее агентства утверждал, что она новая восходящая звезда, поэтому Май послушала ее музыку.

— Хотя голос вроде как похож.

В этот момент они дошли до аудитории триста один. Сегодня проводились факультативы по иностранным языкам. Сакута выбрал испанский.

— Увидимся позже.

— Ага.

Такуми выбрал китайский, потому что знал некоторые кандзи*, поэтому они разделились в коридоре, и Сакута отправился в класс один.

[П/П: Кандзи — это китайские иероглифы, заимствованные из китайской письменности и используемые в написании японского языка.]

В классе первым, что он услышал, был громкий смех. Его источником являлись пять девушек, столпившиеся возле двери. Все они носили длинные юбки цвета где-то между желтым и хаки,

футболки и кроссовки. Их наряды были настолько похожи, что любой бы подумал, что это айдол-группа.

Сакута не из тех, кто критикует моду. Такуми тоже надел футболку, простые штаны и носил черный рюкзак, так что они вдвоем практически одинаково одеты. Стил Сакуты — это то, что подарила ему Май в честь сдачи вступительного экзамена.

Он проскользнул мимо болтливых девушек и занял место у прохода в центре. В лекционном зале стояли длинные парты с тремя сидениями за каждой. Ширина была примерно такой же, как в классах старшей школы, но эта аудитория немного длиннее, из-за чего казалась скорее длинной, чем большой.

Сакута достал учебник испанского языка, а затем учебник по математике для репетиторства. Он открыл последний.

Чтобы подготовиться к вечернему занятию, он сначала решил практическое задание.

Пока он записывал уравнения в тетрадь, послышался чей-то голос:

— Не возражаешь, если я подсяду?

Он поднял голову и моргнул, увидев обладательницу голоса.

Это была Миори Мито, девушка, которую он встретил на вечеринке в пятницу. Ее волосы были собраны в тот же свободный узел.

— Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала.

В конце концов, его только что обвинили в том, что он привел ее к себе домой. Очевидно, он разозлил нескольких парней. Меньше всего ему хотелось подвергать себя еще большим необоснованным подозрениям.

— Я все равно подсяду, — сказала она, поправляя длинную юбку.

— Мест же полно.

— Но ты здесь единственный, кого я знаю.

— Ты могла бы поучить языки с подружкой.

Языковая программа предлагала не только испанский и китайский, но и немецкий,

французский, итальянский и другие языки. Она поняла, что здесь нет ее знакомых еще на первом занятии на прошлой неделе.

Но вместо ответа она драматично вздохнула.

— ...

Он сделал вид, что не услышал, вернувшись к математике.

Она опять вздохнула, громче.

— Извини, я не слишком назойлива?

— Не настолько, чтобы извиняться.

Он продолжал решать.

— Значит, я назойлива.

— Ты получила какие-то плохие новости? — спросил он так, словно ему все равно.

— А ты будешь слушать?

— А ты хочешь, чтобы я выслушал?

— Манами и остальные ходили на пляж в летние каникулы.

— И что?

— Меня не пригласили.

Она поджала губы и выглядела очень недовольной. Она злобно посмотрела на талисман на брелоке, висящем на ее указательном пальце. Глаза Сакуты встретились с глазами талисмана. Возможно, это был сувенир, который они привезли.

— Ну, если она выбрала Санпо-чан, то у твоей подруги отличный вкус.

— Ты знаешь, что это?

— Я не зря прожил в Фудзисаве три года.

Ее полное имя было Эносима Санпо-чан. Местный талисман, который официально и неофициально рекламировал все прелести Фудзисавы.

— А на пляж тебя, наверное, не пригласили просто потому, что у тебя нет телефона.

За этот логический вывод он заработал косой взгляд.

— Неужто она вернулась и похвасталась тем, что за ней ухаживали?

— Нет, поэтому я полагаю, что ничего подобного не было.

Миори выглядела самодовольной. Она подцепила брелок к застёжке на пенале.

— Ты ведешь себя так, словно к тебе бы точно приставали, пойдёшь ты с ними.

— Не веду себя, просто думаю.

Она подперла щеку ладонью, нахмурившись.

— Такая вредная, — рассмеялся он.

— Что вообще такое «друзья»?

— ...

— О-о, это выражение лица так и говорит: «Она сумасшедшая».

Миори все еще опиралась на руку, но ее глаза обратились к нему.

— Скорее «Она сумасшедшая и доставляет много хлопот».

— И кто теперь вредина?

— Это едва ли можно назвать вредностью, — сказал Сакута, изображая скромность.

Она закатила глаза, затем последовал третий вздох. Этот вздох не был притворным, казалось, что он вырвался сам собой.

— Она попыталась компенсировать это, пригласив меня на вечеринку.

— Разве не мило?

— ...

Миори бросила на него еще один укоризненный взгляд.

— Если тебе это не нравится, просто скажи ей, что не хочешь быть приманкой для заманивания парней в ее компанию.

Он полагал, что ее имя в списке будет привлекать парней другого уровня. Флюиды на вечеринке на прошлой неделе это доказали.

— За кого ты меня принимаешь, Азусагава?

— За настолько симпатичную девушку, что увела бы всех парней, даже не прикладывая усилий, поэтому подружки не взяли ее с собой на пляж, — сказал он, записывая следующий шаг решения задачи в тетрадь.

— Сурово, — проворчала Миори, но по ее тону было ясно, что она частично согласна. Она прекрасно понимала, почему они ее бросили. Скорее всего, это произошло не в первый раз. И не в последний. И она устала от этого.

— Если не хочешь, не ходи на тусовки.

И тут же...

— Тусовка? Я хочу туда! — послышался веселый голос, и между ними протиснулась девушка.

Сакута и эта девушка были знакомы давно, еще до того, как они поступили в универ.

Ее звали Узуки Хирокава.

— Айдолам нельзя ходить на тусовки.

— М-мфм-м-м-м.

Возможно, она сказала: «О, да, точно», но из-за чая с пузырьками, который она потягивала, это было неразборчиво.

Почему здесь Узуки? Все просто. Она тоже была студенткой этого университета. Как и Сакута, она изучала статистику.

Нодока в самом начале заявила, что собирается в университет, и это оказалось заразительным: Узуки тоже решила попробовать.

Никто не сказал Сакуте, что она вообще сдавала экзамен, поэтому он изрядно удивился, когда она пришла с Нодоккой на торжественную церемонию.

Но сейчас она совершенно не поняла его взгляда и протянула свой чай с пузырьками.

— Хочешь глотнуть? — спросила она.

— Лучше не надо.

Косвенный поцелуй с айдолом, вероятно, является целым событием.

— Но чай с пузырьками — это бомба!

— Каждый раз, когда я его пью, в конце остается куча тапиоки.

— Но это так вкусно!

— У меня просто нет в этом сноровки.

— Вполне справедливо.

Каким-то чудом им удалось прийти к взаимопониманию с этим последним штрихом. По крайней мере, на первый взгляд.

Узуки втянула еще немного тапиоки через соломинку. Он отсюда чувствовал запах сахара. Она похрустела недолго, переводя взгляд с Сакуты на Миори и обратно.

— Твоя новая девушка?

Эта огромная пауза и все, что после нее прозвучало, были бессмыслицей.

— Нет.

— Она симпатичная.

— Она... — Он запнулся, не зная, как определить их отношения. На ум не приходили подходящие слова. Это была их вторая встреча, поэтому их не назвать знакомыми.

— Мито Миори, — сказала Миори. — Я потенциальный друг.

— Ну, а я Хирокава Узуки, и мы с ним уже друзья!

Узуки протянула руку и с энтузиазмом пожала руку Миори. Движение вверх-вниз было настолько интенсивным, что у Миори даже голова затряслась.

— Откуда ты его знаешь? — спросила Миори, выдержав бурное приветствие.

— Он брат Каэдэ! — заявила Узуки, как будто это что-то объясняло.

Его сестра была главной причиной их знакомства, и она все еще думала о нем как об аксессуаре.

— Ты не упоминал сестру, Азусагава. Она дружит с Хирокавой?

— Ты избавила меня от долгих объяснений. Да, Каэдэ... можно сказать, фанатка.

Пока Сакута вводил Миори в курс дела, Узуки вскочила и встала перед классом.

— Всем привет! Доброе утро!

Она словно стояла на сцене и приветствовала свою аудиторию. Пять девушек, столпившиеся впереди, присоединились.

С Узуки теперь их стало уже шестеро, но из-за того, что остальные пять были одеты одинаково, одежда Узуки — узкие брюки, обтягивающие бедра, и длинный кардиган — бросалась в глаза. Сакута вспомнил гадкого утенка, но тут он уже лебедь.

— Азусагава, — сказала Миори, словно предъявляя претензию.

— Что?

— Ты знаешь много симпатичных девушек.

— Мито, ты одна из них.

— Ты понял, что я имею в виду, — надулась она, а затем нахмурилась. — Ты заговорил непринужденнее.

— Если ты потенциальный друг, я подумал, что мы могли бы стать ближе.

Он, наконец-то, закончил решать математическую задачу. Теперь ему оставалось только донести эти знания до своих учеников.

— Азусагава — очень длинное имя.

— И что?

— Азуса?

— Звучит как скорый поезд.

— Сагава?

— Как транспортная компания?

— Сакута звучит слишком фамильярно, так что лучше Азусагава.

Они вернулись к тому, с чего начали, но в этот момент появился профессор испанского языка.

Часть 5

— На сегодня все, — сказал профессор с акцентом по-японски.

Второй урок начинался в десять тридцать и заканчивался вовремя, через девяносто минут, ровно в полдень.

— ¡Hasta la próxima semana!

«Увидимся на следующей неделе», — с этим приветствием профессор Педро покинул трибуну.

— ¡Hasta luego! — громогласно ответила Узуки и помахал рукой.

Педро усмехнулся.

Веселый испанец хорошо сочетался с энергичной Узуки.

Когда Педро ушел, Такуми просунул голову в дверь.

— Азусагава, пошли обедать — позвал он, направляясь к Сакуте. Но на полпути его взгляд упал на Миори, которая складывала свои книги.

— Чао, — сказала она и встала, помахав рукой. Она пронеслась мимо Такуми и исчезла в коридоре.

— Что это значит, Азусагава? — прошипел Такуми, положив руки на стол Сакуты. — Ты же сказал, что у вас ничего не было!

— Меня повысили до потенциального друга.

— Введи меня в курс дела!

— Тебе придется спросить Мито.

— Вы уже настолько сблизились?! Ну конечно, ты же охмурил Сакурадзиму Май, а значит знаешь свое дело!

Его глаза остекленели.

В передней части класса другие ученики обсуждали планы на обед.

Это снова была та группа девочек, среди которых была и Узуки.

— Кафетерий?

— Я хочу оякодон! — первой ответила Узуки. Это донбури являлось фирменным блюдом университета. Обычно это рис со сладковато-острым куриным филе и яйцом пашот сверху.

Только услышав название, Сакута тут же захотел его.

— Тогда пойдемте, — предложила одна из девочек.

— Ау! — вскрикнула Узуки. — У меня же сегодня съемки. Я не могу, извините.

Она хлопнула в ладоши, но девочки приняли это как должное.

— Опять этот модный журнал?

— Получилось очень мило.

— Я определенно куплю один!

— И я тоже!

— Побей их насмерть!

— ¡Hasta mañana! — крикнула Узуки, помахав на прощание рукой. Она выбежала за дверь.

Болтовня девочек на мгновение смолкла. Затем...

— Ты голодна?

— Студенческий магазин?

— Я вчера слишком много ела, поэтому хочется чего-то небольшого, например сэндвича. Огромное облегчение.

— Ага. То же самое.

— Пойдем.

Совсем другая энергия. Посмеиваясь, они вышли из комнаты.

Никто не говорил об Узуки.

Когда они были уже далеко за дверью, Такуми сказал:

— Девушки меня пугают.

— Таковы уж люди.

То, что они притворялись дружелюбными, когда рядом была Узуки, являлось явным признаком того, что они беспокоились о социальных связях меньше, чем большинство детей средней или старшей школы. В классах всегда проводили четкие границы между группами и давали понять, кто в них входит, а кто нет.

В университете все стало непринужденнее: эти границы стали более размытыми. И это прекрасно работало.

— Иногда ты меня тоже пугаешь, — сказал Такуми.

— Кафетерий быстро заполняется.

Кафетерий находился ниже по аллее от башни с часами. Если в конце аллеи повернуть налево, то он окажется перед вами, на первом этаже здания с большим залом и множеством различных магазинов.

Был пик обеденного перерыва, и все четыреста мест оказались заняты. Найти место, чтобы присесть, было непросто.

Сакуте удалось занять столик, когда трое парней ушли, и Такуми присоединился к нему, принеся дополнительный поднос для Сакуты.

Они оба ели оякодон.

Обычная порция стоила недорого — триста иен. Меню кафетерия было вполне доступным, блюда из собы и удон стоили менее двухсот иен. Университетский кафетерий — это жизненно важный союзник для любого голодающего студента.

Время от времени здесь можно было увидеть родителей с детьми или старушек, которые, казалось, не являлись постоянными посетителями, но кафетерий открыт для любой публики, поэтому и им тоже были рады.

В наши дни многие университеты пытались проводить подобные мероприятия, надеясь заслужить доброжелательность соседей, поэтому они переделывали столовые в модные кафе. Иногда их показывали по телевизору.

Им потребовалось около пяти минут, чтобы опустошить свои чашки. Они запили все это бесплатным чаем из бара.

— Азусагава, ты должен познакомить меня с девушкой.

Так Такуми обычно начинал разговор.

— Тебе же кто-то дал свой номер на вечеринке.

— Никто не отвечает.

— Печально.

— Я согласен на Тоёхаму.

— Если она услышит, что ты произносишь ее имя и «согласен» в одном предложении, она озверееет. Ее несложно довести.

Он сделал еще один глоток чая. И тут его внимание привлекло что-то блеснувшее у входа. Помяни черта.

Она не единственная в кампусе со светлыми локонами, но определенно заботилась о них лучше, чем кто-либо другой. Она всегда собирала часть волос в пучок, а остальные свисали до плеч.

Нодока оглядела кафетерий, ища кого-то.

Встретившись взглядом с Сакутой, она направилась в его сторону. Очевидно, она искала его.

— Вот ты где! — воскликнула она, словно это он виноват, что она не смогла найти его сразу.

— Что тебе нужно?

Нодока посмотрела на Такуми.

— Мне нужно ненадолго одолжить Сакуту, — сказала она.

— Бери, не стесняйся!

Вот так легко все решилось.

Не получив никакого подтверждения от самого Сакуты, Нодока развернулась и направилась к выходу. Она придет в ярость, если он не последует за ней, поэтому он оставил свою посуду в мойке и поспешил.

На улице Сакута и Нодока рассеянно подошли к скамейке у исследовательского корпуса и сели на нее. Неподдалеку танцевальный клуб использовал окна здания как зеркало, репетируя свои

номера.

Они наблюдали за этим некоторое время, но Нодока ничего не говорила.

— Ну что? — спросил Сакута.

— Ты видел Узуки сегодня?..

— Да. Она была со мной на испанском.

Нодока знала это, поэтому и искала его.

— Она что-нибудь сказала?

— Что, например?

— ...

— Ты притащила меня сюда. Не скромничай.

— Как она себя вела?

Его легкомысленная подколка не улучшила ее настроения. Она не сводила глаз с танцующих.

— Она выглядела как всегда.

Сакута не заметил ничего плохого.

Она ворвалась в его разговор с Миори, предложила глоток чая с пузырьками и затем бросилась к группе девушек, с энтузиазмом используя весь новый испанский, который она выучила... и то, как девушки выбросили ее из головы, как только она вышла из комнаты. Все это типично для Узуки.

— Она не упоминала меня?

— Нет.

— Или «Сладкую пулю»?

— Ни слова.

— О...

Он все еще был растерян.

— О чем ты? — спросил он.

Она наконец повернулась и посмотрела на него. Ее взгляд был наполовину злым, наполовину потерянным.

— Вчера мы вроде как...

— Что «вроде как»?

— Поссорились.

— «Поссорились»?

Было две причины, по которым это казалось ему нереальным. Во-первых, он просто не мог представить, как Нодока и Узуки ссорятся.

Во-вторых, то, как Узуки вела себя сегодня: она была абсолютно нормальной. Полная противоположность мрачному настроению Нодоки, что заставило его почувствовать, что здесь, должно быть, какая-то ошибка.

— А по поводу чего? — спросил он.

— Ты знаешь, что двое из наших участников уже окончили школу?..

— Да.

Нодока и Узуки были членами айдол-группы под названием «Сладкая пуля».

В начале учебного года двое из семи членов группы покинули ее (выпустились), оставив пятерых.

— С тех пор как это произошло, мы обсуждали между собой и с агентством... о нашем будущем.

— Одна из тех проблем «Распасться или продолжать»?

— ...

Она не подтвердила и не опровергла. Ее молчание говорило о том, что она недовольна тем, как обстоят дела, и это был тот ответ, который ему нужен.

— Нашей целью было выступить в Будокане через три года.

Она сказала в прошедшем времени, потому что эта дата уже наступила и прошла. Вероятно, это заставило их подвести итоги.

— Но ведь ваша популярность еще растет, верно?

Тем летом они выступали на большом музыкальном фестивале и совершили тур по крупным городам как хэдлайнеры*. Каэдэ привела свою подругу Кано Котоми посмотреть на них в Токио. Они заполнили две тысячи мест, и, судя по всему, прошло все довольно дико. Когда Каэдэ вернулась, она была на взводе и повторяла: «Было так весело! Просто... потрясающе!»

[П/Р: Хэдлайнер — наиболее ожидаемый участник концерта или фестиваля.]

А отдельные члены группы получили работу. Узуки прославилась в игровых шоу и тому подобном, она все чаще выступала в качестве гостя на городских шоу. Ее непредсказуемое поведение вызывало улыбки везде, куда бы она ни пришла.

Нодока часто работала в паре с ней, держа ее в узде, и контраст между дикой внешностью Нодоки и ее искренним характером был весьма выигрышным.

Остальные участники группы работали моделями, актерами или участвовали в спортивных эстрадных шоу. У каждого были свои возможности.

Но они по-прежнему оставались группой, которую признавали только фанаты.

— Да, у нас был разговор о том, что мы будем делать как «Сладкая пуля». В частности, у Узуки много предложений... и становится все труднее согласовывать ее график с остальными. У агентства тоже есть мысли по этому поводу.

— «Мысли»?

— Например... чтобы она выступала одна, — пробормотала Нодока.

Она подавляла все свои эмоции, изо всех сил стараясь говорить и вести себя нормально.

— Вчера у нас был концерт с другими группами агентства. И я слышала, как главный продюсер с кем-то разговаривал по телефону.

Он начинал понимать, как они поссорились.

— Не считая агентства, Хирокава знала об этом?

— Скорее всего, нет.

Он так и думал. Если бы знала, это была бы совсем другая проблема.

— Чего ты хочешь?

— Я... я все еще хочу играть в Будокане. В составе «Сладкой пули».

Но глаза Нодоки снова обратились к танцевальному клубу.

— Но в то же время я хочу, чтобы все труды окупились. Узуки работала больше всех, и... в ней действительно что-то есть, понимаешь? Она вызывает улыбку у каждого.

— М-м-м-хм-м. И ты пыталась сказать ей это окольными путями, но она не поняла, и ты вышла из себя и набросилась на нее?

Нодока имела вызывающий вид, но в глубине души была очень серьезным человеком. Ее забота об Узуки, скорее всего, осталась незамеченной и привела к тому, что она сказала то, о чем пожалела.

— В общем, да...

Теперь стало понятно, почему Нодока назвала это ссорой. Но сильные эмоции испытывала лишь она. Узуки сегодня совершенно не выглядела обеспокоенной, потому что не знала про предложение о сольной карьере и понятия не имела, что делать с их разногласиями.

— Все остальные чувствовали то же, что и я... В итоге мы все ополчились против нее.

И она считала себя виноватой, не могла сама противостоять Узуки и использовала Сакуту как жилетку.

— И это все?

— А?

Нодока нахмурилась, явно желая большего.

— Это настоящая проблема!

— Проблема общемирового масштаба.

— ...

— Ты в основном ворчишь, потому что у тебя больше работы, и все не может быть так, как было всегда. Если бы ты сказала это Май, она бы тебя отшлепала.

— Уф, да...

Сакута чувствовал, что все закончится тем, что он получит пощечину. Он определенно не хотел, чтобы она узнала об этом.

— ...

Нодока явно услышала его, но не смогла переварить.

— Если ты так заиклена на Хирокаве, пойди и поговори с ней снова. Не парь мозги левому чуваку.

— А ты помалкивай! Я и без тебя знаю

Ему удалось задеть ее, и она вскочила на ноги.

— Только тупица будет с тобой разговаривать, — заявила она. — Спасибо!

Злилась ли она на него или была благодарна? Ее эмоции вихрились во все стороны, пока она топала прочь.

Одна из танцующих девушек бросила на него взгляд типа «Что ты наделал?» Когда Сакута поймал на себе ее взгляд, она поспешно отвернулась.

«Мне не нужно быть более печально известным, чем сейчас...»

Ему казалось, что Нодоке стал лучше, после того как она поступила в университет, но... не тогда, когда она с ним.

«И это прекрасно».

Он встал и потянулся.

Из-за дождя, который шел утром, воздух стал чистым.

Историю, которую он только что услышал, можно сравнить с погодой. Эмоции подобны солнцу, облакам и дождю. Он мог предоставить Нодоке и Узуки быть собой, и все наладится. Сегодня была просто плохая погода.

Эти двое были не просто обычными подругами, а частью одной группы с общей целью. Они вместе прошли через трудности и создали между собой узы доверия.

Может, они и не друзья, но могли опереться друг на друга.

Возможно, они не лучшие подруги, но могли поддержать друг друга.

Он знал, что между ними есть что-то прочнее.

Изменения вокруг них не разрушили бы этого.

В то время Сакута искренне верил в это.

Верил, что это пустяковая проблема.

Что все пройдет.

Но все может обернуться по-другому.

И на следующий день так и случилось.

Может, кампус и не выглядел иначе, но само изменение было слишком явным.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3238448>